

(19)

бренда, которые суммарно отразили стоимость бренда в целом.

Тем не менее данная методика подверглась критике, комбинируя показатели бизнеса компании актива бренда с поведенческими показателями, – зачастую на выходе мы получаем неразбериху. Факторы бизнеса иногда могут быть интерпретированы частично как следствия стоимости бренда, нежели как показатели стоимости.

Модель "затраты/доходы" представляет собой четвертую технологию оценки стоимости бренда. Согласно данному подходу, измеряя стоимость бренда или его потенциал, мы можем получить картину, демонстрирующую долю рынка, которую занимает наш продукт. Это позволяет оценить такие показатели, как эффективность коммуникативной стратегии, привлекательность цены, мерчандайзинг в сравнении с конкурентами. Преимущества данного подхода заключаются в способности оценить бренд в разрезе конкурентов, а также в способности прогнозировать будущее развитие. Следует отметить, что данный подход выводит индекс стоимости бренда, а не конечную монетарную стоимость бренда.

Специалисты по брендингу, принимая во внимание различные методики оценки стоимости, разработали требования, которым необходимо следовать при определении монетарной стоимости бренда компании.

1. Баланс между финансовыми показателями (объем продаж, доля рынка, цена) и качественной оценкой потребителей (знание бренда, воспринимаемое качество, привлекательность и т.д.).

2. Подход, который Вы избрали для оценки стоимости, должен быть использован как средство управления брендом и включать определение статуса бренда.

3. Актив бренда должен быть измерен в монетарной стоимости.

4. Модель оценки должна легко модифицироваться и адаптироваться под ситуации, которые требуют оценки.

5. Модель должна подходить как для оценки бренда корпорации, так и для отдельного продукта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Aaker D.A.* Measuring brand equity across products and markets. – N.-Y., 1996.
2. *Sander B., Zimmermann R.* BBDO Consulting GmbH "Brand equity". – N.-Y., 2001.
3. *Zimmermann R., Klein-Bolting U., Sander B., et al.* Brand equity review. – N.-Y., 2001.
4. *Schlager Cf., Berndt Cf., Sander B.* Interbrand. – N.-Y., 2003.

УДК 614.23:616.89

"ПОМОГАЮЩАЯ" ПРОФЕССИЯ: К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ

И.В. Жуланова

Волгоградский государственный педагогический университет

В статье анализируется психологическое содержание "помогающих профессий": врачей, социальных работников и психологов.

Ключевые слова: профессиональное поведение, медицина, психология, социальная работа.

"ASSISTING" PROFESSION: TO A PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL PLOT

I.V. Zhulanova

Abstract. The author investigates the psychological contents of the assisting professions: physicians, social workers and psychologists.

Key words: professional behavior, medicine, psychology, social work.

Актуальность темы определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, представители помогающих профессий – врачи, социальные работники, психологи и другие специалисты – продукт массовой вузовской подготовки. Во-вторых, это те специальности, в которых средством профессиональной деятельности выступает сама личность специалиста.

В своем самом общем понимании помогающее поведение человека относится к категории просоциальной активности. По определению Я. Рейковского, это действия, направленные на «сохранение, защиту, облегчение функционирования или содействие развитию того или иного "социального объекта" (другого человека, коллектива)». Просоциальная активность человека

представляет собой континуум, который образуют три основные формы поведения: кооперативная, помогающая и альтруистическая [2]. Соответственно, в контексте профессии специалистов "помогающей практики" эти варианты активности должны приобретать характер деятельности.

При этом в первых двух случаях человек оказывает помощь без особого ущерба и риска для себя (некоторые издержки допускаются), проявляя стремление и способность учитывать как свои собственные, так и общественные интересы. Однако наиболее интересным, противоречивым и парадоксальным представляется феномен альтруистического поведения, который определяется как "любовь и забота о других", "стремление к благополучию других при отсутствии выгоды для себя", "склонность безвозмездно жертвовать собой ради группы" [3]. Его основная характеристика – максимальная ориентация на другого человека, доходящая до самопожертвования. Это всегда только *бескорыстные помогающие действия*, не сулящие человеку никаких внешних наград и поощрений [Там же]. Интерес именно к этой форме просоциальной активности определяется тем, что в ней мотивация на благо для другого предстает в предельном проявлении.

В психологической литературе можно найти развернутые описания естественного и смоделированного, экспериментально построенного альтруистического поведения, причинная обусловленность которого не может быть признана однозначной [3, 4, 6].

Позиция биологической предопределенности альтруизма отчетливо представлена в работах эволюционистов, например в концепции общей приспособленности У.Д. Гамильтона [4], согласно которой помогающие действия отдельного человека направлены не столько на выживание его самого, сколько на выживание его генотипа. "Мы знаем, что люди могут пойти на личный риск или потери, если в процессе они улучшат общую родовую приспособленность, т. е. увеличат шансы выживания своего генотипа" [Там же]. Такое понимание альтруизма объясняет преимущественно экстремальные поступки. Природа же повседневного (регулярного и устойчивого) альтруизма может быть связана со стремлением человека путем бескорыстного поступка редуцировать присущее ему "чувство вины" перед другими или освобождением от неприятного чувства, возникающего при виде страданий другого человека [3]. Нужда другого непроизвольно переживается как импульс к помощи. Это биологически закрепленное качество создает важную антропологическую основу для совместной жизни людей [5].

Предопределенность альтруизма обнаруживается не только в его биологической обусловленности. Исследователи альтруизма обращают внимание на то, что на практике те, кто приходит на помощь, часто в дальнейшем получают пре-

имущество, потому что взаимная помощь дает им доступ к вознаграждениям, которые в противном случае трудно было бы получить. Как полагают М. Шнайдер, А. Омота и Д. Киэри, к внутренним самовознаграждениям, мотивирующим помогающее поведение человека, можно отнести [4]:

- 1) желание научиться чему-нибудь, например лучше понимать других людей;
- 2) социальную приспособленность, позволяющую человеку становиться частью какой-нибудь группы и добиваться одобрения;
- 3) карьеру, например расширение перспективы получения работы;
- 4) защиту своего "Я" – улучшение собственного состояния, уменьшение чувства вины и избавление от личных проблем;
- 5) увеличение уважения, уверенности в себе, укрепление чувства собственного достоинства;
- 6) соответствие общечеловеческим ценностям, касающимся заботы о других.

Стремление к выгодам может быть неосознанным, может представлять собой своего рода "внутренний" закон жизни. Человеческое взаимодействие, считает Д. Майерс [Там же], направляется "социальной экономикой", люди обмениваются не только материальными благами и деньгами, но и социальными благами – любовью, услугой, статусом. Поступая так, человек использует стратегию "минимакса" – минимизирует расходы и максимизирует вознаграждения. Не настаивая, таким образом, на предопределенности помогающего поведения соображениями о возможности обмена благами, Д. Майерс высказывается в их пользу.

Мотив морального долга по отношению к альтруистическим действиям является следствием нормативного воспитания личности и формируется на основе интериоризации альтруистических социальных норм, превращающихся во внутренние императивы, личностно-смысловые регуляторы деятельности [1]. Такое понимание одной из смысловых детерминант альтруизма соотносится с анализом факторов развития помогающего поведения, представленным Д. Шэффером [6], который показывает, что оказание помощи в ряду других форм просоциального поведения приобретает регулярный, устойчивый характер, начиная с поступления в 1-й класс. Феномен возрастающей просоциальной активности объясняется влиянием соответствующего обучения, эффектами социализации. В поисках ответа на вопрос "Кто воспитывает альтруистичных детей?" исследователи пришли к следующим выводам в отношении среды, продуцирующей просоциальные поступки детей:

1. *Дружелюбные и уважаемые* взрослые могут способствовать развитию детского просоциального поведения, *вербально подкрепляя акты великодушия.*
2. Дети, которые наблюдают модели вели-

кодушного или заботливого поведения, воспроизводят их в собственном поведении, особенно если служащий моделью человек предоставляет логические обоснования такого поведения и *сам делает то, чему учит*. Отмечена тенденция к сохранению эталонного поведения в течение некоторого времени – через два-четыре месяца после "соприкосновения с образцом" [6].

3. Большую роль играет то, как родители реагируют на неприемлемые действия детей: частое использование насильственных и наказующих дисциплинарных воздействий подавляет альтруизм и ведет к развитию эгоистических ценностей, в то время как рациональные, не наказующие дисциплинарные техники в сочетании с выражением сострадания и заботы о других обычно воспитывают детей, способных к самопожертвованию.

В сфере собственно альтруистических проявлений, по мнению Е. Насиновской, не включаются акты помощи, осуществляемые на уровне регуляции социально-нормативного просоциального типа, так называемые шаблонно-стереотипные проявления помощи (культурные привычки, правила этикета), составляющие как бы операциональный состав просоциального стиля поведения [1]. Возможно, подобные альтруистические поступки имел в виду Р. Триверс [4], использующий для объяснения их природы понятие взаимной помощи – помощь, возникающую в ответ на уже оказанную. Во всех человеческих культурах, как полагает автор, существует норма взаимности, обязывающая людей возмещать помощь, которую они получили.

В отношении эмоциональных механизмов, как отмечает Е. Насиновская [1] и ряд других авторов, следует различать ситуативное влияние альтруистических эмоциональных переживаний на поведение помощи и устойчивое эмоциональное отношение к ситуациям нужды и бедственного положения другого человека, который выступает как специфический, сформировавшийся на эмоциональной основе мотив (сочувствия, сопереживания). Способность к переживанию эмоций других людей, согласно М. Хофману, в конечном счете, становится важным "мостом" к альтруизму [6].

Мотив сочувствия является второй и весьма существенной смысловой детерминантой альтруизма. Реализация мотива сочувствия, указывает Е. Насиновская [1], невозможна без осуществления мысленной постановки себя на место нуждающегося в помощи человека, без процесса сопереживания ему.

Описанное понимание механизма сочувствия, связанное с указанием автора на временное стирание границы между "Я" и "другим Я", находит отражение в концепции просоциальной деятельности Я. Рейковского [2], предлагающего использовать в интерпретации фактов просоциаль-

ного поведения (включающего в себя и альтруизм) понятие "психологического расстояния". Исследовательская гипотеза Я. Рейковского связана с предположением о том, что, оказывая помощь, человек не только руководствуется собственными интересами, но принимает во внимание и интересы других людей. Степень влияния этих интересов на его поведение зависит от психологического расстояния между субъектом деятельности и человеком, нуждающимся в помощи [Там же].

Объясняя феномен психологического расстояния, автор обращает внимание на то, что человеческое сознание – многомерное психологическое пространство, в котором отражаются объективные взаимосвязи между объектами, человек локализует самого себя, что связано с определением своего места на всевозможных измерениях этого пространства (физическом, временном, общественном, "атрибутивном" и т. д.). Этот образ есть продукт общественного, а не индивидуального развития. Индивидуальный опыт играет здесь определенную роль, однако следует подчеркнуть, что психологическое пространство определяется культурой, в которой живет человек, в конечном счете – типом общественных отношений.

Я. Рейковский замечает, что, как правило, почти все те измерения, которые используются для самоопределения, используются также для определения других людей, а зачастую и не только людей. Такая постановка вопроса позволяет ему сделать несколько предположений:

- 1) величина психологического расстояния между "Я" и другими людьми определяет степень включенности "Я" во все происходящее с другими людьми;
- 2) свойства структуры "Я" влияют на отношение человека к окружающим;
- 3) психологическое сближение – уменьшение расстояния между "Я" и другими людьми стимулирует готовность оказать помощь.

Позиция Я. Рейковского представляется конструктивной в разработке учебно-методических ситуаций, обеспечивающих формирование в образовательном процессе способов профессионального поведения будущего специалиста "помогающей практики".

ЛИТЕРАТУРА

1. Насиновская Е.Е. // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – С. 152–171.
2. Рейковский Я. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 1981. – №1. – С. 14–22.
3. Субботский Е.В. // Вопросы психологии. – 1977. – №1. – С. 164–172.
4. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя! (Серия "Главный учебник"). – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.
5. Шпек О. Люди с умственной отсталостью:

УДК 616.89–008.434–053.2

ЗНАЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ КОРРЕКЦИИ РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Е.П. Фуреева

Волгоградский государственный педагогический университет

Статья о детях с проблемами в развитии, о работе с ними, о коррекции речи и о помощи таким детям. О значении развития творческого воображения и влиянии этого на развитие речи.

Ключевые слова: дефекты речи, специальные проблемы, помощь детям, вербальная коммуникация, инфантилизм, воображение, когнитивный.

IMPORTANCE OF THE DEVELOPMENT OF IMAGINATION IN THE SPEECH CORRECTION PROCESS OF MENTALLY RETARDED PRESCHOOL CHILDREN

E.P. Fureyeva

Abstract. The article is about children with mental retardation, about work connected with speech correction and also about the help to such children. It is very important to organize the process in a proper way. The article tells about the development of creative imagination and how imagination influences children with speech problems.

Key words: speech defects, special problems, help to the child, verbal communication, motivation, infantilism, imagination, cognitive.

Изучение дошкольников с задержкой психического развития (ЗПР) продолжает оставаться актуальным, хотя о детях данной категории к настоящему времени накоплена определенная научная информация. На основании результатов клиничко-психолого-педагогических исследований были определены сущность и структура данного дефекта, его симптоматика, этиология; выявлено, что состояние ЗПР – это неоднородный феномен, различающийся и по степени, и по характеру отклонений.

В современной литературе под этим понимают, главным образом, замедление темпа психического развития. Изучение детей этой категории позволило установить этиологию и клинические варианты отклонения в развитии [1]. Основные клинические типы ЗПР дифференцируются по этиопатогенетическому принципу: конституционного происхождения, психогенного, соматогенного и церебрально-органического.

Современный аспект рассмотрения вопроса о структуре речевого дефекта у детей с ЗПР определяется тесной связью процессов речевой и познавательной деятельности ребенка, соотношением речи и мышления в процессе онтогенеза.

Импрессивная речь этих детей характеризуется недостаточностью дифференциации речеслухового восприятия, речевых звуков, неразличением смысла отдельных слов, тонких оттенков

речи. Экспрессивной речи свойственны нарушения звукопроизношения, недостаточная сформированность грамматического строя речи, наличие аграмматизмов, речевая инактивность.

В ряде работ указывается на недостаточность речевой регуляции: отсутствие в речевом плане отчета о произведенных действиях, поэтапного контроля за ними, словесного сопоставления результатов с предложенным заданием [4].

Особенности речевого развития детей с ЗПР могут проявляться неравномерно, вариативно: у одних преобладает фонетико-фонематические расстройства, у других – лексико-грамматические; разной может быть и степень проявления дефекта. Вместе с тем для этой категории детей характерны типичные, отличающие их от нормы тенденции развития: сниженный уровень познавательной деятельности, незрелость эмоционально-волевой сферы. В зависимости от этого по-разному определяются проблемы обучения, и, следовательно, требуются разные меры дифференцированной помощи. Большая распространенность нарушений речи у детей с ЗПР вызывает необходимость их дальнейшего углубленного изучения и определения путей повышения эффективности коррекционного воздействия.

Речевая деятельность формируется в тесной связи с психикой ребенка [2, 3]. Поэтому при